

ОБЗОРЪ РУССКИХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Статьи по вопросамъ этики.

І. Вѣра и Церковь 1902 г.

1) *В. А. Крыловъ*. Честь — современныя понятія о ней и оцѣнка ихъ съ христіанской точки зрѣнія. (Кн. 1—7).

Это пространное изслѣдованіе по своему предмету заслуживаетъ особеннаго вниманія. Оно раздѣляется на двѣ части — теоретическую и практическую. Въ первой выясняется понятіе чести-честности и дается критика существующихъ взглядовъ на этотъ вопросъ съ точки зрѣнія идеи христіанскаго смиренія.—„Какъ извѣстное душевное волненіе, пишетъ авторъ, чувство чести въ нравственной области, какимъ бы словомъ оно ни выражалось, существовало всегда и въ этомъ видѣ означало и означаетъ свойство духа и поступковъ человѣка, выгодно, смотря по условіямъ времени, выдѣляющее его изъ ряда другихъ людей и дающее ему право на уваженіе въ собственныхъ или чужихъ глазахъ“. Исходя изъ послѣдняго обстоятельства (самоуваженія или уваженія со стороны другихъ), авторъ всѣ многочисленныя взгляды на честь подводитъ подъ двѣ общія рубрики — честь внѣшняя и внутренняя. Удѣляя больше вниманія послѣдней, какъ болѣе „гармонирующей съ идеальнымъ христіанскимъ жизнепониманіемъ“, въ разсужденіяхъ о внѣшней чести онъ ограничивается лишь общими замѣчаніями. Къ сожалѣнію замѣчанія автора слишкомъ легковѣсны и поверхностны. Съ одной стороны, онъ признаетъ, что стремленіе къ снисканію общественнаго уваже-

нiя и похвалы сыграло въ исторiи благодарную и полезную роль—„оно производило не только великiя культурно-историческiя дѣла, но давало мѣсто и безкорыстному (въ материальномъ отношенiи) подвигу и самопожертвованiю“; съ другой стороны, по его словамъ, честолюбе не всегда ускоряетъ пульсъ общественной жизни въ хорошую сторону и не только иногда не способствуетъ прогрессу, но служитъ непосредственною причиною упадка высшей умственной и нравственной культуры. Такое двойное значенiе честолюбiя невольно вызываетъ на размышленiе и требуетъ разсмотрѣнiя вопроса по существу, чего однако въ означенномъ изслѣдованiи мы не находимъ. Читатель остается въ недоумѣнiи, какимъ образомъ одно и то же стремленiе приводитъ въ одномъ случаѣ къ великимъ дѣламъ, а въ другомъ тормозитъ нравственное развитiе. Зависитъ ли это отъ сущности честолюбiя, или же отъ направленiя общественнаго мнѣнiя въ разныя эпохи и у разныхъ народовъ? Даже и въ послѣднемъ отношенiи въ чувствѣ чести нужно признать великую культурную и нравственную силу. Это значенiе чувства чести разъяснялось Локкомъ, Юмомъ и особенно Адамомъ Смитомъ, но краткiя сужденiя г. Крылова объ этихъ мыслителяхъ заставляютъ подозрѣвать его незнакомство съ ихъ сочиненiями. „Цѣнность общественнаго мнѣнiя, пишетъ онъ, какъ мѣрки дѣйствительнаго достоинства человѣка, можетъ серьезно защищаться только тѣми лицами, которыя отъ младыхъ ногтей привыкли руководиться и благоговѣть предъ кодексомъ такъ называемаго хорошаго тона и общественныхъ приличiй“. Этотъ отзывъ должно признать въ нѣкоторой степени несправедливымъ. Въ самомъ дѣлѣ, раскройте, напр., книгу А. Смита „Теорiя нравственныхъ чувствъ“ и вы найдете здѣсь горячо написанныя страницы противъ пустого тщеславiя. „Потребности въ одобренiи и опасенiя порицанiя еще недостаточно, чтобы сдѣлать человѣка годнымъ для общественной жизни. Поэтому природа не ограничилась тѣмъ, что одарила его желанiемъ одобренiя—она внушила ему еще желанiе быть достойнымъ одобренiя. Первое могло бы побудить человѣка казаться годнымъ къ общественной жизни; второе было необходимо, чтобы дѣйствительно побудить его къ приобрѣтенiю свойствъ, требуемыхъ подобною жизнью. Первое побуждало бы его только къ тому,

А Вы правы. Цер.-Об. Вѣстникъ началъ и продолжаетъ 1877 г. снова выставлять противъ моей резолюціи батареи своего пустословія. Въ послѣднемъ номерѣ газеты (№ 88) выступилъ наконецъ противъ меня съ оружіемъ критики, впрочемъ очень тупымъ и заржавленнымъ, самъ о. Бѣлюстинъ. Видно, что у этого злаго пса зубы уже притупились: онъ продолжаетъ еще лаять, но кусать уже не можетъ. Впрочемъ сколько бы ни писали полемическихъ статей противъ меня, я не намѣренъ болѣе тратить времени на безплодную полемику.

На первую статью я обязанъ былъ дать отвѣтъ и разъяснить сущность дѣла, къ охраненію своей паствы отъ соблазна. Притомъ я имѣлъ на этотъ разъ въ виду и поставленіе Св. Златоуста (Душеп. Чт. 1877 г. май, стр. 87 и сл.).

Скажите мнѣ, Преосвященнѣйшій, если можно, въ чемъ сущность Самарскаго дѣла и насколько въ этомъ дѣлѣ оказывается, по Вашему мнѣнію, виновнымъ Преосвящ. Герасимъ ¹⁾? Справедливо ли также, что сей Владыка просится на покой?“

19-го ч. получилъ я письмо изъ Кіева отъ профессора академіи В. Ѳ. Шѣвницкаго; онъ писалъ мнѣ отъ 17-го числа:

„Приношу Вамъ глубокую благодарность за то дорогое для меня вниманіе, какимъ Вы удостоили меня въ мое недавнее пребываніе въ Харьковѣ.

Посылая Вашему Преосвященству двѣ свои книжки („Воспоминанія о покойномъ митрополитѣ Кіевскомъ Арсеніѣ“ ²⁾ и „Григорій Двоесловъ“) ³⁾, прошу Васъ благосклонно принять ихъ. Если что неправое усмотрите въ нихъ, своимъ снисхожденіемъ покройте мои ошибки. Я сознаю всю мало-важность представляемыхъ Вамъ сочиненій, и это сознаніе было причиною того, что своевременно я не представилъ Вамъ своего изслѣдованія о св. Григоріи Двоесловѣ.

Мое путешествіе въ родныя страны ⁴⁾ совершилось вполне благополучно. Муромъ не произвелъ на меня нынѣ благо-

¹⁾ Добросердовъ, въ этомъ же 1877 г. переведенъ въ Астрахань, † 24 июня 1880 г.

²⁾ Изданіе Редакціи Трудовъ Кіевской дух. Академіи. Кіевъ, 1877.

³⁾ Разумѣется книга: Св. Григорій Двоесловъ, его проповѣди и гомилетическія правила. Кіевъ, 1871.

⁴⁾ Васильевское Муром. у. Влад. губ.

веденіи другихъ людей. Мы одобряемъ или порицаемъ наше поведеніе, смотря по тому, найдемъ ли мы похвальными или предосудительными вызвавшія его побужденія, если станемъ на мѣсто другого человѣка и будемъ смотрѣть на себя съ его точки зрѣнія и, такъ сказать, его глазами. Мы не можемъ судить о причинахъ, побудившихъ насъ къ поступку или вызвавшихъ въ насъ чувство, если мы не отрѣшимся, такъ сказать, отъ самихъ себя и если не постараемся посмотреть на нихъ съ нѣкотораго разстоянія. Необходимо, стало быть, взглянуть на нихъ глазами посторонняго человѣка и съ такой точки зрѣнія, съ которой вѣроятно онъ посмотрѣлъ бы на нихъ. Слѣдовательно, каково бы ни было сужденіе наше о самихъ себѣ, оно находится непременно въ нѣкоторой сокровенной связи съ тѣмъ сужденіемъ, которое существуетъ, которое должно существовать или которое можетъ, по нашему мнѣнію, существовать въ другихъ людяхъ. Мы стараемся взглянуть на наше поведеніе, какъ на него посмотрѣлъ бы, по нашему мнѣнію, безпристрастный и справедливый человѣкъ“. Замѣчательнѣе всего то, что А. Смитъ съ своей точки зрѣнія находитъ возможнымъ установить различіе между ложнымъ стыдомъ и истиннымъ стыдомъ совѣсти. Первый основывается на внѣшнемъ судѣ другихъ людей о нашемъ поведеніи, а второй на такомъ судѣ другихъ людей, предъ которымъ открыты наши сердечные помыслы. Вообще Богъ „поставилъ человѣка судьей надъ человѣкомъ же; природа внушаетъ намъ подчиненіе этому суду, производимому нами другъ надъ другомъ“; тѣмъ не менѣе внѣшній судъ ближняго есть только судъ первой инстанціи. „Рѣшеніе, произнесенное противъ человѣка его ближнимъ, онъ самъ переноситъ въ высшій судъ, въ судъ своей совѣсти, въ судъ воображаемаго безпристрастнаго и просвѣщеннаго посторонняго свидѣтеля, въ судъ, отыскиваемый каждымъ человѣкомъ въ глубинѣ своего сердца и служащій верховнымъ посредникомъ и вершителемъ всѣхъ нашихъ дѣйствій. Приговоры обоихъ этихъ судовъ основаны на началахъ и чувствахъ, хотя и довольно сходныхъ и близко связанныхъ другъ съ другомъ, но тѣмъ не менѣе весьма раздѣльныхъ и неодинаковыхъ. Власть надъ нами мнѣнія прочихъ людей основана на желаніи похвалы и на опасеніи порицанія; власть совѣсти основана на желаніи

заслуженной похвалы и на отвращеніи къ заслуженному порицанію“. Достаточно этихъ выдержекъ, чтобы видѣть, какой значительный научный интересъ связанъ съ вопросомъ объ отношеніи нравственности къ чувству чести по существу и на сколько недостаточнымъ должно быть признано изслѣдованіе „о чести“, если оно не затрагиваетъ этого вопроса и опыта его рѣшенія у Смита—несомнѣннаго авторитета въ этой области.

Въ одномъ мѣстѣ своего изслѣдованія г. Крыловъ, называя чувство чести производнымъ и умаляя въ этомъ смыслѣ его значеніе, признаетъ за чувствомъ стыда (о которомъ только въ этомъ мѣстѣ у него и идетъ рѣчь) характеръ природной необходимости, равно какъ и за совѣстью. Онъ не догадывается, что чувство чести и чувство стыда представляютъ собою двѣ неразрывныя стороны одного и того же душевнаго явленія, что они связаны съ однимъ и тѣмъ же стремленіемъ, подобно тому какъ совпадаютъ желаніе похвалы и боязнь порицанія: къ желанію похвалы и уваженія относится чувство чести, а къ боязни порицанія и неуваженія чувство стыда. Авторъ не догадывается, что все его изслѣдованіе о чести одинаково приложимо къ стыду и даже заглавіе его изслѣдованія могло бы быть измѣнено такъ: „стыдъ—современныя понятія о немъ и оцѣнка ихъ съ христіанской точки зрѣнія“. Въ частности, гдѣ онъ говоритъ объ истинной и ложной чести, можно говорить то же самое объ истинномъ и ложномъ стыдѣ. Если бы авторъ объ этомъ догадался, тогда для него особый интересъ приобрѣла бы нравственная философія В. С. Соловьева, имя котораго онъ и долженъ былъ бы назвать рядомъ съ именемъ А. Смита. В. С. Соловьевъ въ чувствѣ стыда видитъ природную неразложимую основу нравственности,—правда, не въ одномъ чувствѣ стыда, а также въ жалости и благоговѣніи; но хотя жалость и благоговѣніе по его мнѣнію несводимы на чувство стыда, хотя съ другой стороны стыдъ онъ относитъ первоначально только къ половому акту, только къ области отношеній человѣка къ матеріальной природѣ, однако основнымъ онъ признаетъ именно чувство стыда и считаетъ его не только распространяемымъ на другія области — отношеній человѣка къ ближнимъ и къ Богу, но даже считаетъ его первичной основой совѣсти, а послѣднюю — высшею

формой стыда. „Внутренняя сущность обоихъ явленій та же самая“.

Мы не говоримъ, что вопросъ, о которомъ рѣчь, окончательно рѣшенъ у А. Смита или В. С. Соловьева, — напротивъ ихъ теоріи вызываютъ на многія возраженія; но мы говоримъ, что автору изслѣдованія о чести необходимо было войти въ обсужденіе этого вопроса по существу, тогда все его изслѣдованіе приобрѣло бы другой характеръ и иную цѣнность.

Вмѣсто такого рѣшенія вопроса по существу, г. Крыловъ обращается къ разъясненію христіанскаго взгляда на тѣ понятія чести (именно внутренней чести), которыя болѣе другихъ мирятся съ откровеннымъ ученіемъ о цѣли жизни.

Обычныя представленія о внутренней чести авторъ находитъ сбивчивыми и туманными. Къ сожалѣнію онъ вноситъ мало свѣта въ эту область. Онъ вооружается противъ признанія внутренней чести за самостоятельное начало нравственной жизни, напротивъ считаетъ чувство чести производнымъ и свой общій взглядъ на этотъ предметъ выражаетъ въ слѣдующемъ положеніи: „если и естественный прирожденный законъ совѣсти имѣетъ нужду въ руководствѣ закона откровеннаго, то тѣмъ менѣе самостоятельнаго значенія имѣетъ нажитое человѣческой культурой чувство чести“. Въ частности онъ показываетъ, что такого значенія не могутъ имѣть ни чувство собственнаго достоинства, ни чувство долга. Вводя безъ всякихъ разъясненій и обоснованій въ свои разсужденія понятіе *прирожденнаго закона совѣсти*, г. Крыловъ едва-ли способствуетъ освѣщенію отношеній между совѣстью и чувствомъ чести и едва-ли имѣлъ право считать вопросъ о существѣ совѣсти давно порѣшеннымъ. Говоря о производности чувства чести, авторъ уже потому не долженъ былъ просто принять прирожденность закона совѣсти за несомнѣнную, что совѣсть развивается въ несомнѣнной связи съ чувствами чести и стыда.

Въ идеѣ христіанскаго смиренія г. Крыловъ видитъ факторъ, идущій на смѣну принципу чести и единственно могущій сплотить человѣчество внутреннимъ и внѣшнимъ образомъ въ одно гармоническое цѣлое. Раскрытію христіанскаго смиренія въ его сущности и защитѣ его противъ тѣхъ или другихъ возраженій авторъ посвящаетъ цѣлый отдѣлъ первой части своего изслѣдованія.

Во второй части разсматриваются наиболѣе неудачныя и преступныя рѣшенія вопроса о чести съ его практической стороны въ четырехъ отдѣлахъ: 1) дуэль; 2) самоубійство; 3) война и 4) судъ, клятва и присяга. Какъ само собою понятно, дуэль и самоубійство осуждаются безусловно; но „абсолютно антибеллистическія тенденціи Л. Н. Толстого“ признаются непримѣнимыми къ жизни. Впрочемъ, считая единственнымъ мотивомъ войны, соответствующимъ христіанскому жизнепониманію, только требованіе справедливости и состраданіе къ угнетеннымъ, г. Крыловъ сужденіе о войнѣ по существу выражаетъ словами о. Іоанна Сергіева: „Взоръ Господа на народы есть взоръ человѣколюбивый и преданный и вмѣстѣ взоръ судящій; война есть громъ правосудія небеснаго на начинающихъ войну, которые, изрывая яму другимъ неправедно, сами падаютъ въ нее и получаютъ возмездіе за свою неправду; и—знаменіе правды и милости Божіей къ отражающимъ неправую войну, защищающимъ свои владѣнія, свою независимость, гражданственность, вѣру, семейства, которые и получаютъ отъ праведнаго Судии помощь въ правомъ дѣлѣ, а павшіе въ войнѣ—лучшую жизнь и непреходящія блага... Господь самую побѣду обращаетъ въ кару правосудія и среди побѣдъ—полагаетъ начало къ разрушенію, какъ было это въ древнія и новыя времена“.—Равнымъ образомъ отвергаетъ г. Крыловъ и взглядъ Толстого на судъ, клятву и присягу, въ которыхъ онъ видитъ „чистѣйшее порожденіе ничего другого, какъ христіанства“... Можетъ быть, здѣсь авторъ чрезмѣрно увлеченъ полемикой. Но во всякомъ случаѣ, въ противоположность первой, теоретической, части, изложенной неосновательно и неясно, вторая часть изслѣдованія г. Крылова, касающаяся вопросовъ животрепещущихъ, читается съ удовольствіемъ и заставляетъ предполагать въ авторѣ любовь къ избранному имъ, дѣйствительно интересному, предмету.

2) Распространеніе вѣры въ обществѣ, какъ высшее призваніе женщины-христіанки. Свящ. С. В. Страхова (Кн. 7).

Эта въ высшей степени интересная по своему предмету, просто и изящно изложенная, статья представляетъ собою напутственную рѣчь выпускнымъ воспитанникамъ Елисаветинской гимназіи, произнесенную авторомъ 25 мая 1902 г.

въ домової Елисаветинскої гимназической церкви. Ознакомимся съ содержаніемъ статьи.

Высокое призваніе женщинъ быть „женами—благовѣстницами“ христіанской вѣры указано Самимъ Господомъ въ словахъ, сказанныхъ св. мученикамъ (Мф. XXVIII, 6—10; Мр. XVI, 8). Глубоко вѣрующія христіанки, даже не выходя изъ условій обыкновенной жизни, не принимая на себя особаго миссіонерскаго подвига, могли и нынѣ могутъ благовѣствовать Христа. Особенно удобные пути для распространенія вѣры въ обществѣ открываются для женщинъ - христіанокъ чрезъ жизнь семейную. Эти пути: 1) воздѣйствіе на супруговъ и 2) воспитаніе дѣтей, и по указанію природы, и по условіямъ общественной жизни лежащее болѣе всего на обязанности матерей. Кромѣ семьи вѣра и можетъ, и должна благовѣствоваться женщинами - христіанками въ школѣ, приготовляющей членовъ общества. Прежде всего женщины въ школѣ могутъ быть въ прямой роли воспитательницъ, и въ такомъ случаѣ, разъ онѣ вѣрующія христіанки, воспитываютъ дѣтей такъ же, какъ и въ семьѣ, въ духѣ вѣры христіанской. Но и въ томъ случаѣ, если онѣ вступаютъ въ школу въ качествѣ „учительницъ“, открывается для нихъ возможность своимъ личнымъ примѣромъ и наставленіями вносить вѣру въ міръ школы, въ юныя души учащихся.

3) Христіанство и патріотизмъ. Свящ. І. І. Добросердова (№ 5).

Статья написана по поводу ученія Л. Н. Толстого. По словамъ автора, обособленіе народовъ запечатлѣно особымъ воздѣйствіемъ свыше.—Законъ исторической жизни выражается, между прочимъ, въ томъ, что всякій народъ, закаливъ свою волю въ опредѣленномъ направленіи, естественно-историческимъ путемъ обособляется во имя сохраненія своего національнаго характера. Строй, налагающій отличительную печать на каждую національность, своею органическою цѣльностью даетъ и самымъ входящимъ въ него обще-человѣческимъ идеаламъ и стремленіямъ не только особую національную окраску, но и полноту, и внутреннюю правду, и дѣйствительную силу. Этотъ строй составляетъ ту необходимую почву, на которой возможно плодотворное развитіе вѣчныхъ общечеловѣческихъ идеаловъ въ ихъ полнотѣ, на

которой осуществимо дѣятельное воплощеніе отдѣльнымъ народомъ въ своей жизни самыхъ этихъ идеаловъ. Отнимите эту почву, и эти идеалы, въ своей изолированности и при исключительномъ господствѣ въ личной мысли, перестанутъ быть живительнымъ, руководящимъ началомъ въ жизни народа.—Если народъ дѣлается христіанскимъ народомъ, то ни въ какомъ случаѣ онъ не теряетъ своего національнаго характера, а это означаетъ только, что въ этомъ народѣ все-непремѣнно будетъ сокрушенъ національный эгоизмъ, что народъ долженъ направляться и очищаться духомъ Христова ученія.

4) Христіанское подвижничество. У. С. С. Б. (№ 3).

Небольшая статья эта, авторъ которой укрылся подъ заглавными инициалами, написана въ защиту „жизни созерцательной, отрѣщенной отъ міра и всецѣло обращенной къ Богу и вѣчности“. Кто видитъ высшее призваніе христіанина въ живой вѣрѣ и дѣятельной любви, для того статья эта по своему содержанію должна показаться странною, чтобы не сказать болѣе того. Отъ нея „вѣетъ духомъ смерти“.

5) Личное спасеніе и общественное благо. С. И. Артоблевскаго.

По своему вопросу статья не даетъ никакихъ цѣнныхъ результатовъ. Въ ней даже не понята сущность вопроса, нужно замѣтить—чрезвычайно важнаго и вообще и особенно для нашего времени. Однимъ изъ слѣдствій этого непониманія служитъ то, что авторъ доказываетъ „возможность получить спасеніе на пути аскетизма“: кто же въ этомъ сомнѣвался? Вопросъ объ отношеніи личнаго спасенія къ общественному благу своимъ *исходнымъ* пунктомъ имѣетъ то, что люди аскетическаго направленія заботятся прежде всего о своемъ личномъ спасеніи, ставятъ подъ этимъ угломъ зрѣнія и служеніе общественному благу. Противники ихъ ставятъ служеніе общественному благу на первомъ планѣ, можетъ быть даже считаютъ его единственною достойною человѣка задачею, во всякомъ случаѣ упрекаютъ людей аскетическаго направленія въ томъ, что они заботятся *только* о своемъ личномъ спасеніи. Здѣсь и начинается поставленный въ заголовкѣ вопросъ—какъ у западныхъ, такъ и у нашихъ мыслителей. „Какъ очерствѣлость, пишетъ напр. Гейддингъ въ Очеркахъ психологій,—такъ и подвижничество

можетъ быть помѣхой симпатіи, вслѣдствіе чего принципъ любви ко всѣмъ людямъ, заключающійся въ первоначальномъ христіанствѣ, могъ развиваться какъ слѣдуетъ лишь послѣ того, какъ аскетическое направленіе церкви было отъяснено на второй планъ“. Или у насъ, напр. Д. В. Философовъ въ извѣстной запискѣ, прочитанной на 2 засѣданіи Религіозно-философскихъ собраній, говоритъ: „Церковь приняла сознательно лишь первую половину заповѣди: возлюби Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ, всею душою твоею. И, не вмѣстивъ второй, она стала отрицать ее, довела свою любовь къ Богу, свое служеніе Ему—до ненависти къ міру, до презрѣнія къ культурѣ. Историческое христіанство, вплоть до XX вѣка, сосредоточивало все свое вниманіе лишь на аскетической сторонѣ ученія Христова, на служеніи Богу, пренебрежи въ своей односторонности тѣмъ Божиимъ міромъ, часть котораго—работающіе въ потѣ лица своего ближніе. Исаакъ Сиринъ говорилъ: „если не ожесточить кто собственнаго сердца своего и не будетъ съ усиліемъ удерживать милосердія своего такъ, чтобы стать далекимъ отъ попеченія о всемъ дальнемъ, то не можетъ онъ быть свободнымъ отъ смущенія и заботы, и пребывать въ безмолвіи“... О монашескихъ идеалахъ въ изложеніи еп. Антонія, бывшаго Уфимскаго, Д. В. Философовъ пишетъ: „это не огонь, не уголь даже, а сѣрый, холодный пепелъ, откуда на церковь вѣетъ духомъ смерти“...

Какъ бы то ни было вопросъ объ отношеніи личнаго спасенія къ общественному благу есть въ сущности вопросъ о томъ, имѣетъ ли оправданіе аскетизмъ, отрицающій служеніе ближнему,—говоря иначе, истинный аскетизмъ отрицаетъ ли служеніе ближнему (не фиктивное, а дѣйствительное). Этотъ именно вопросъ въ послѣднее время обсуждается въ журналахъ Богосл. Вѣст. и Душ. Чт.

Изложеніе разсматриваемой статьи также страдаетъ дефектами. Въ одномъ случаѣ авторъ выражается такъ: „Конфуцій и его послѣдователи совсѣмъ не находили въ существующей жизни ея цѣли, а ожидали найти ея смыслъ въ пустотѣ, въ нирванѣ“ Въ другомъ случаѣ авторъ открываетъ „психологическій законъ въ томъ, что всякое дѣло человѣка можетъ имѣть наибольшій успѣхъ только при совмѣстной дѣятельности нѣсколькихъ людей“. Въ третьемъ случаѣ авторъ до-

казываетъ полную совмѣстность личнаго спасенія съ заботами о благѣ общества буквально такъ: „Сельскій учитель, всецѣло посвятившій себя педагогической дѣятельности, вдали отъ культурныхъ центровъ, перебивающійся отъ нужды со дня на день, не совмѣщаетъ ли въ своемъ лицѣ самоусовершенствованіе и заботу о благѣ общества“...

T.

